

УДК 271.222(470)(497.1)–86„1943/1945“ (093.2)
355.486(=161.1)(497.1)„1943/1945“ (093.2)

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ 15-ГО КАЗАЧЬЕГО КАВАЛЕРИЙСКОГО КОРПУСА В ЮГОСЛАВИИ 1943–1945 ГОДЫ.

Др Михаил В. ШКАРОВСКИ

*Водећи научни сарадник
Централног државног архива Санкт-Петербурга*

АННОТАЦИЯ: В статье описана история церковной жизни 15 казачьего кавалерийского корпуса, который участвовал в антипартизанских операциях 1943–1945 на территории Югославии. Особое внимание посвящено военному священству корпуса и его взаимоотношениям с Архиерейским Синодом РПЦ (з).

Ключевые слова: РПЦ (з), Вторая мировая война, Казачий корпус, Югославия, священство.

15-го казачий кавалерийский корпус, воевавший в 1943-1945 гг. на территории Югославии, являлся одним из самых значительных антикоммунистических русских воинских формирований. Начало его создания было положено в марте 1943 г., когда после оставления немецкими войсками территории Дона и Кубани, германское командование указало отступившим с немцами казакам призывного возраста собраться в украинском г. Херсоне. 21 апреля 1943 г. вышел приказ о формировании в этом районе 1-й казачьей кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора (с 1 июня 1943 г.) Хельмута фон Паннвица (уроженца Силезии, служившего в немецких кавалерийских частях со времени I Мировой войны). В конце апреля в состав дивизии был включен 600-й Донской казачий батальон – первое казачье подразделение из советских военнопленных, сформирова-

нное в конце 1941 г. бывшим командиром Красной Армии подполковником И. Н. Кононовым.

7 июня 1943 г. база формирования дивизии была перемещена в Польшу – на полигон Млава, к северо-западу от Варшавы. Там к концу сентября дивизия была полностью сформирована. Она состояла из двух бригад (в каждой по три полка), разведывательного отряда, саперного батальона, отряда связи, частей тылового обслуживания и запасного батальона. Командирами бригад и всех полков, кроме 5-го Донского полка 2-й бригады (который возглавил И. Н. Кононов) были назначены немецкие офицеры. Однако германское командование не решилось использовать дивизию на Восточном фронте, и 24 сентября направило ее в Югославию, сражаться против партизан-коммунистов И.-Б. Тито. На 4 ноября 1943 г. (к началу ее боевых действий на югославской земле) личный состав дивизии включал 18555 человек, в том числе 14506 казаков и 4049 немецких солдат и офицеров.¹

Несмотря на присутствие в составе части значительного количества немцев, в ней строго соблюдались обычаи казаков. Командир дивизии Х. Панниц также носил казачью форму, поощрял традиционные чины, знаки отличия и оружие. Это проявлялось и в духовной жизни. Проводившиеся православными священниками церковные службы посещали все, а генерал (бывший лютеранином) состоял почетным членом общины.²

Контакты священноначалия Русской Православной Церкви за границей с частями дивизии начались еще весной 1943 г. Так 15 мая правитель дел Синодальной канцелярии Г. П. Граббе переслал командиру казачьего полка И. Н. Кононову одну тысячу крестиков для раздачи чинам полка и несколько комплектов журнала „Церковная жизнь“. Однако первые православные священники в части дивизии были назначены Первоиерархом Православной Церкви в Польском генерал-губернаторстве митрополитом Варшавским Дионисием (Валединским): архимандрит Владимир (Финковский) и священник Андрей Клименко.

Отец Андрей позднее – в феврале 1944 г. был признан Русской Православной Церковью за границей в качестве священника 4-го полка, а о. Владимир наоборот удален в июле 1944 г. из запасного полка и вообще из

¹ Окроков В. А. Казаки и русское освободительное движение // *В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции*. М., 1997. С. 224-226; Его же. *Антисоветские формирования в годы Второй мировой войны*. М., 2000. С. 64-65; Черкассов К. *Меж двух огней. В 2 кн. Данденонг* (Австралия), 1986. Кн. 1. С. 204-211, Кн. 2. С. 159-160, 186-187; Его же. *Генерал Кононов*. Мельбурн, 1963. С. 128; Хоффман Й. *История власовской армии*. Париж, 1990. С. 69; „Казаки со свастикой“ / Публ. Л. Решина // *Родина*. 1993. № 2. С. 73-74; Deotto P. *Stanitsa Terskaja. L'illusione cosacca di una terra* (Verzegniss, ottobre 1944 – maggio 1945). Udine, 2005. P. 48.

² Келин Н. А. *Казачья исповедь* // Толстой Н. Д. *Жертвы Ялты*. М., 1996. С. 308.

дивизии. Дело в том, что 13 марта в Архиерейский Синод РПЦЗ поступил резко негативный отзыв об архимандрите архиепископа Белостокского и Гродненского Венедикта (Бобковского), который писал, что Финковский является „духовным авантюристом“, лишенным в марте 1942 г. в Минске на соборе епископов сана и монашества (в конце 1941 – начале 1942 гг. с помощью о. Владимира и ряда других подобных деятелей митр. Дионисий пытался подчинить себе Белорусскую Православную Церковь).³

Двух указанных священнослужителей было явно недостаточно, и после перебазирования в Югославию по предложению генерала Паннвица духовенство дивизии стал назначать проживавший в Белграде председатель Архиерейского Синода митрополит Анастасий (Грибановский). В Синоде имелся составленный еще во второй половине 1941 г. список проживавших в Югославии русских священнослужителей, выразивших желание поехать для церковной работы в Россию. К этим представителям духовенства и обратился митр. Анастасий. Первое обращение Синодальной канцелярии с предложением занять место военных священников в одном из казачьих полков последовало 25 декабря 1943 г. священникам Феодору Малашко и Александру Тугаринову; в послании отмечалось: „Должность эта связана с большой миссионерской работой, ибо дивизия состоит из казаков, ушедших из России. Священник на официальном положении, семья получает уставленное семейное пособие“.⁴

В начале 1944 г. Синодальная канцелярия отправила подобные обращения еще целому ряду записавшихся на переезд в Россию священнослужителей: протоиереям Василию Бошановскому, Александру Залесскому, священникам Пантелеймону Хапланову, Сергию Липскому, Феодору Карасеву, Александру Попову, Сергию Стукало, Александру Мирошниченко, Леониду Соловьеву, Поликарпу Шимановскому, Льву Шепелю и др., но большинство из них отказалось по состоянию здоровья или иным причинам. Тем ни менее, желающих служить в казачьей дивизии оказалось достаточно.

24 января 1944 г. митрополит Анастасий в письме к генералу Паннвицу выразил благодарность за заботу об удовлетворении духовных нужд дивизии. Владыка отметил, что с радостью предпринял шаги для назначения на должности священников достойных кандидатов, „и вообще готов и впредь делать все“ от него зависящее для удовлетворения этих духовных нужд. Митрополит также сообщил, что в ближайшие дни в дивизию направляется первый священник – прот. Валентин Руденко, затем - прот. Александр Козлов, священники Феодор Малашко и Александр

³ Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (СА), д. 41/43, д. 17/41.

⁴ Там же, д. 41/43.

Тугаринов; есть и другие кандидаты, так что существует надежда вскоре пополнить все священнические вакансии в частях.

Следует отметить, что отец Валентин Руденко обращался к митр. Анастасию с ходатайством о назначении его в один из полков Русского охранного корпуса, но 13 января Владыка отказал, „ввиду крайней нужды в священниках, ощущаемой в пришедших из России казачьих частях“. Как и другим, служившим в сербских приходах священникам, о. Валентину требовался канонический отпуск местного архиерея (в данном случае епископа Нишского), который был предоставлен 17 января, и 8 февраля митр. Анастасий назначил о. В. Руденко полковым священником 1-й казачьей дивизии.

Второму упомянутому в письме митрополита протоиерею – Александру Козлову, ранее служившему настоятелем церкви в Любовии, епископ Шабачский Симон предоставил канонический отпуск 17 февраля, но митр. Анастасий еще 26 января выписал о. Александру командировочное удостоверение в дивизию. Отца Ф. Малашко митрополит назначил полковым священником 6-го Терского казачьего полка 20 марта, хотя епископ Тимочский предоставил о. Феодору канонический отпуск 3 апреля.

Четвертый намеченный священник – бывший законоучитель гимназии в г. Нише о. А. Тугаринов подал прошение о назначении в казачью дивизию и получил канонический отпуск от епископа Нишского. 7 февраля дивизионный священник прот. Евгений Яржемский писал о. Александру: „Главным образом Вам придется поддерживать в людях веру в будущность России, в стариках пробудить веру в Бога, а молодых научить верить в Бога и молиться Богу“. 21 февраля 1944 г. был подписан указ о назначении о. А. Тугаринова в дивизию, но через восемь дней он отказался из-за болезни, и в дальнейшем был приписан сверх штата к русской Свято-Троицкой церкви в Белграде.⁵

Отец Е. Яржемский стал исполнять обязанности дивизионного священника при необычных обстоятельствах. После провозглашения „независимости“ Хорватии в 1941 г. он служил законоучителем русских детей в немецких школах Загреба, затем с созданием (в июне 1942 г.) самопровозглашенной автокефальной Хорватской Православной Церкви под давлением властей 15 августа 1942 г. принял должность священника в загребской церкви. Позднее о. Евгений писал митр. Анастасию: „Сознавая противоканоничность Хорватской Церкви, я всеми силами стремился удержать верующих от общения с этой Церковью, сохранить празднование подвижных и неподвижных праздников по старому стилю. Следствием

⁵ Там же.

этого было запрещение меня в священнослужении и преследование со стороны полицейских и церковных властей“.

Так как 1-я казачья дивизия в основном базировалась в Северной Хорватии, ее командование, стремясь в кратчайший срок заполнить вакансию дивизионного священника, предложила исполнять эту должность прот. Е. Яржемскому. Он ответил согласием, и 4 февраля подал митр. Анастасию прошение о принятии в юрисдикцию Русской Православной Церкви за границей и официальном назначении в казачью дивизию. 7 февраля, учтя желание командования, митрополит назначил о. Евгения дивизионным священником на правах благочинного.

При этом председатель Архиерейского Синода отказал другому, гораздо более известному пастырю – активному участнику работы Всероссийского Поместного Собора 1917-18 гг., бывшему члену Учредительного собрания и Высшего Церковного Совета прот. Владимиру Востокову, служившему настоятелем русского прихода в г. Вршаце (область Банат). 21 января 1944 г. о. Владимир встретился в Панчевском госпитале с генерал-лейтенантом А. Шкуро, хорошо знавшим протоиерея по духовному и литературному труду в России и эмиграции. Знаменитый казачий атаман предложил о. В. Востокову занять должность дивизионного священника при штабе части. 27 января протоиерей написал об этом митр. Анастасию, но 7 февраля Владыка ответил отказом, „так как в отправление обязанностей дивизионного священника уже фактически вступил протоиерей Евгений Яржемский по избранию его начальником дивизии“.⁶

Одновременно с назначением духовенства митр. Анастасий занимался устройством полковых храмов. Так 12 февраля 1944 г. Владыка написал начальнику Управления русской эмиграции в Сербии генерал-майору В. В. Крейтеру, что в связи с открытием новых военных церквей в казачьей дивизии и Русском охранном корпусе ощущается большой недостаток церковной утвари и священных сосудов, и попросил передать для использования в походных храмах утварь церкви 1-го Русского кадетского корпуса. Помимо храмов русских учебных заведений еще одним источником пополнения утвари были пожертвования. В частности в конце февраля владелец мастерской по изготовлению церковных предметов серб А. Т. Трайкович пожертвовал для 1-й казачьей дивизии шесть комплектов священных сосудов и шесть кадил, которые были переданы отцам А. Козлову, Е. Яржемскому и Ф. Малашко.

23 марта 1944 г. генерал Паннвиц издал приказ, регламентирующий деятельность духовенства дивизии: „Обратить особое внимание на обслуживание войск дивизионными священниками параллельно с веде-

⁶ Там же.

нием просветительной военно-политической работы через начальников частей и культурно-просветительных офицеров. Поэтому я приказываю принять все меры для того, чтобы работа священников всеми мерами была бы поддержана. Командиры частей мне ответственны, чтобы работа священников проводилась бес препятствий, и от отделения 1с/4д в соглашении с командирами частей назначенные часы богослужения точно удерживались бы. Нормальная [воинская] служба, с исключением боевых действий в назначенные часы богослужения отпадает“. Этим же приказом „старший священник“ о. Е. Яржемский (вместе с диаконом Иванченко) был переведен в штаб дивизии и поставлен во главе отделения 4д. Ему официально поручалось управление всеми церковными делами в дивизии и руководство всем дивизионным духовенством.⁷

Получив копию приказа, митр. Анастасий в письме от 13 апреля выразил генералу благодарность. 5 апреля Архиерейский Синод принял определение о награждении к Пасхе прот. Е. Яржемского палицей „за отлично усердную службу его Св. Церкви и проведение правильной организации удовлетворения духовных нужд чинов... дивизии“, а прот. А. Козлова – наперсным крестом от Св. Синода выдаваемым.⁸

Несмотря на первые успехи в организации церковной жизни дивизии проблем оставалось очень много, и, прежде всего, нехватка духовенства. 2 апреля о. Е. Яржемский писал митр. Анастасию: „Приближаются пасхальные праздники, а у нас в дивизии не хватает еще трех священников. Полки 1, 3 и 6 уже по несколько раз обращались послать им священника, но у меня нет никакой возможности их желание удовлетворить. Вчера был в третьем полку, где командир полка просил меня найти какой-либо выход, чтобы к ним был на страстную неделю и Пасху командирован священник. Посоветовавшись с генералом Шкуро и Борисом Николаевичем Карцевым, решил обратиться к Вашему Высокопреосвященству с просьбой командировать в дивизию иеромонаха Адама из Панчева. Я его лично не знаю, но слышал, что он хороший монах и добрый пастырь. Конечно, я не могу гарантировать, что он понравится, и его здесь оставят, но я думаю, что его устроит и какое-либо другое место. Отправляя его в дивизию, смиреннейше прошу Ваше Высокопреосвященство указать ему, чтобы он позаботился взять с собой все необходимое для богослужения: Св. Антиминс, облачение, сосуды, иконы, крест, евангелие, кадило и необходимые богослужебные книги. Без всего этого его приезд не имеет никакого смысла.

Кроме того желательно, чтобы священники, прибывающие в дивизию, привозили с собою все необходимое сразу, а то получается очень некрасивая картина – священник, не успев прибыть в дивизию, отправляется

⁷ Там же.

⁸ Церковная жизнь. 1944. № 5-6. С. 1.

за Св. Антиминсом и церковными вещами и ездит не меньше, как 12 дней. Таким образом, по списку считается в дивизии много священников, а на лицо два-три.

Были и такие случаи, что священник, уезжая за Св. Антиминсом, едет домой и там задерживается до конца отпуска, так что не успевает получить Антиминс и приезжает в часть с пустыми руками и целый месяц не совершает богослужения. Всему этому нужно положить конец, если мы сами себя не хотим дискредитировать. Поэтому мной издано распоряжение по дивизии, что священники дивизии пользуются отпусками наравне со всеми остальными чинами дивизии. Об отпуске священнику командир части сообщает дивизионному священнику для назначения ему временного заместителя из священников соседнего полка. В командировки полковые священники могут быть посланы тоже с согласия и ведома дивизионного священника⁹.

В резолюции Владыки от 10 апреля говорилось о необходимости немедленно вызвать о. Адама (Бурхана) из Панчева (иеромонах не смог приехать к Пасхе) и предупредить вновь назначенных в дивизию священников, чтобы они запасались всем необходимым для совершения богослужений и не злоупотребляли отпусками. Чтобы компенсировать отсутствие богослужения в некоторых полках, с благословения Владыки Анастасия пасхальная заутреня передавалась для них по радио.

24 апреля председатель Архиерейского Синода обратился к чинам 1-й казачьей дивизии с Пасхальным посланием: „...Под знаменем креста Вы самоотверженно боритесь со слугами сатаны, принесшими столько зла и бедствий нашей Родине и всему человечеству. Воскресший Спаситель – победитель ада, смерти и всякой силы вражьей, да споборает Вам в Вашем святом деле. Помните, что, где бы Вы не подвизались в борьбе с темными, разрушительными силами, Вы служите не только торжеству правды Божией, но и освобождению Вашей Родины, поруганной и плененной безбожными большевиками. Вместо красного яичка русские православные люди в Белграде жертвуют Вам св. иконостас для Вашей походной церкви. Примите его как наше общее благословение Вам на ратный подвиг и как залог нашей непоколебимой веры в воскресение Руси. В эти тяжелые дни, какие послал нам Господь, у нас одна общая молитва с Вами, да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Воскрес Христос – воскреснет и Россия, чтобы снова стать светочем Православия и православной правды и любви для всего мира“.⁹

Весной 1944 г. возник острый конфликт Архиерейского Синода с возглавлявшим неканоничную Хорватскую Православную Церковь ми-

⁹ СА, д. 41/43.

трополитом Гермогеном (Максимовым) – бывшим членом Синода в сане архиепископа, запрещенным митрополитом Анастасием в священнослужении. Сам происходивший из донских казаков митр. Гермоген обратился к командованию 1-й казачьей дивизии с призывом подчинить воинских священников его юрисдикции, перейти при богослужениях на григорианский календарь и возносить молитвы за него и правителя (поглавника) Хорватии А. Павелича.

25 мая о. Е. Яржемский в рапорте митр. Анастасию сообщил об этих притязаниях: „...16 мая я был приглашен в штаб дивизии, где мне было предложено на прочтение письмо арх. Гермогена, в котором он пишет, что ему стало известно, что в дивизии есть священники, которые обслуживают дивизию. Он требует, чтобы все эти священники подали прошение на его имя для утверждения их в должности, а до утверждения их они должны совершать богослужения по новому стилю, во время богослужения поминать его и поглавника; в случае неисполнения этих его требований, он предпримет меры к выполнению его требований. Прочитав письмо, я заявил, что эти требования невыполнимы, и в случае, если бы немецкое командование настаивало на исполнении этих требований, я принужден уйти из дивизии, и думаю также поступят и остальные священники.

Тон письма настолько груб и вызывающий, что буквально всех чинов дивизии, читавших письмо, возмутил. Письмо было датировано 14 апреля, а здесь принято 13 мая. Вчера – 24 мая меня пригласил к себе майор Эльс – докладчик по этому делу. Он подробно интересовался этим делом, отношению к этому вопросу Православных Церквей и пришел к выводу, что требования арх. Гермогена незаконны. На его письмо решено ответить, что ввиду того, что армия немецкая экстерриториальная, то ничье вмешательство в ее дела не допустимо“.¹⁰

На этом инцидент не закончился. В докладе от 26 мая о. Е. Яржемский сообщил Владыке Анастасию о том, что митр. Гермоген лично явился в дивизию с соответствующими требованиями. Однако все ее священники остались в каноническом подчинении митр. Анастасия и заявили, что не будут служить в ведении главы Хорватской Церкви. Правда, выяснилось, что некоторые чины дивизии еще в январе 1944 г. обращались к митр. Гермогену с просьбой прислать в часть священников (Владыка не смог этого сделать из-за полного отсутствия у него подходящих кандидатур). В своем письме о. Евгений также подчеркнул, что дивизия в основном состоит из подсоветских людей, и введение нового стиля за богослужением вызвало бы раскол у казаков. Протоиерей также попросил для подтверждения его доказательств о незаконности требований митр. Гермогена прислать определение Синода о запрещении этого архиерея в священнослужении.

¹⁰ Там же.

31 мая конфликт был рассмотрен на заседании Архиерейского Синода, а 16 июня митр. Анастасий написал о проблеме уполномоченному германского Министерства иностранных дел по Юго-Востоку Нойбахеру. Председатель Синода доказывал, что переход в Хорватскую Церковь избранных и назначенных им священников был бы незаконен; дивизия обладает экстерриториальностью, а новый стиль существует только у Живой Церкви (т.е. у обновленцев в СССР). Владыка просил оградить церковную жизнь 1-й дивизии от незаконных притязаний.

19 июня уполномоченный известил о конфликте МИД, порекомендовав по политическим и военным соображениям поддержать позицию митр. Анастасия. В письме в свое посольство в Хорватии германский МИД не одобрил притязаний митр. Гермогена, так как при возможном переводе дивизии из Хорватии в Румынию или Грецию подчинение военного духовенства его юрисдикции теряло всякий смысл. Когда германское посольство 16 августа 1944 г. разъяснило митр. Гермогену положение казачьей дивизии как „экстерриториальной воинской части“, он сказал, что действовал по указанию хорватского Министерства юстиции и культов и теперь отказывается от всякого вмешательства.¹¹

Следует отметить, что во время переговоров с А. Гитлером в Германии 1 марта 1944 г. хорватский премьер-министр Мандич подал жалобу на казачью дивизию и попросил ее вывода из страны. Однако военная ситуация не позволила это сделать, и на переговорах было решено, что дивизия пока должна остаться в Хорватии.¹²

Еще один, правда, гораздо более скромный, конфликт был связан с личностью священника Николая Судоплатова. Он представлял сепаратистские круги части казаков, считавших их отдельным народом, и опиравшихся на стремление некоторых немецких чиновников использовать это течение для раздробления России и русского народа. 7 октября 1943 г. казаки-сепаратисты обратились в Рейхсминистерство церковных дел с просьбой разрешить создать в Берлине самостоятельный приход, объясняя свою позицию следующим образом: „Русское правительство стремилось путем Церкви провести свои русификаторские устремления, как и ассимиляцию русского народа... За границей Русская Церковь заняла в отношении казаков одинаковую политически обусловленную позицию, как и царское правительство, и это обстоятельство казаки тяжело переносят“.

На запрос министерства член Архиерейского Синода РПЦЗ митрополит Берлинский и Германский Серафим (Ляде) 6 ноября 1943 г. ответил, что он в принципе не возражает, „хотя это не чисто религиозное,

¹¹ Politisches Archiv des Auswaertigen Amts (AA), Inland I-D, 4740, 4742.

¹² Institut fuer Zeitgeschichte Muenchen (IfZ), MA 516. Bl. 1087-1089.

а главным образом политическое начинание“. Однако 28 февраля 1944 г. шеф полиции безопасности сообщил, что с его стороны в настоящее время существуют возражения „против создания национальной казачьей церковной общины“.¹³

После получения отказа намечавшийся на пост настоятеля общины о. Н. Судоплатов попытался устроиться на службу в 1-ю казачью дивизию. В конце марта о. Николай приехал в ее штаб и обратился к прот. Е. Яржемскому с просьбой отправить его в полк, ссылаясь на то, что он „послан из Берлина высокопоставленным лицом - приятелем генерала“ Панныца. Но поскольку у о. Н. Судоплатова не было распоряжения о назначении от митр. Анастасия, дивизионный священник ответил отказом, сказав, что все вакансии заполнены.

9 июня Владыка Анастасий написал митр. Серафиму (Ляде), что в 1-ю казачью дивизию требуются еще пять священников, в Югославии больше нет кандидатов, а в Германии имеется несколько десятков эвакуированных (с оккупированных восточных территорий) священнослужителей. В связи с этим председатель Архиерейского Синода просил подобрать пять подходящих священников, которые будут в чине гауптмана (капитана), и их семьи получают соответствующие пособия (около 21 тыс. динар). Митр. Анастасий отметил, что казаки до сих пор были лишены церковных наставлений, и поэтому нужно подбирать пастырей, подходящих для миссионерской работы, а такие, как Судоплатов, не подходят.

Не сумев проникнуть в дивизию, о. Николай к осени 1944 г. все-таки, получив разрешение полиции безопасности, создал казачий приход в Берлине. В связи с этим митр. Анастасию пришлось вести неприятную переписку с начальником Главного управления казачьих войск генерал-лейтенантом П. Н. Красновым, который в письме от 28 октября сообщал Владыке: „Но вот объясните мне, каким путем, по чьему соизволению и с чьего благословения могла создаться в Берлине особая „казачья церковь“, где священствует богохульствующий развратник г. Николай Судоплатов, донской казак, ничего общего со священством не имеющий. Справка о Судоплатове при сем прилагаю. Нельзя ли через Митрополита Серафима принять меры к закрытию этой церкви и лишению сана о. Судоплатова. Наши военные хлопоты успеха не имели. А от Судоплатова у казаков большой соблазн“.

В другом письме от 29 ноября 1944 г. П. Краснов еще раз отмечал: „Кощунственная „казачья церковь“ в Берлине с г. Николаем Судоплатовым продолжает к великому соблазну верующих невозбранно существовать,

¹³ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1470, оп. 1, д. 11, л. 186, 189, 191, 195.

ником не тревожимая“. Владыка Анастасий через митр. Серафима пытался ликвидировать общину о. Николая, но удалось ли это точно не известно.¹⁴

Проблема с подбором полного штата духовенства в дивизии (а потом в корпусе) не теряла своей остроты в течение всего 1944 г. Так в письме правителю дел Синодальной канцелярии Г. П. Граббе от 25 мая о. Е. Яржемский писал, что один из полковых священников – о. Тимолай оглох, и его пришлось отправить в госпиталь (а затем вообще в Белград). 22 мая в дивизию с комплектом богослужебных сосудов, пожертвованных А. Т. Трайковичем, был послан свящ. Александр Макаренко; но он прибыл в совершенно изношенной одежде, и вновь уехал в Белград за обмундированием. Таким образом, вместо семи имевшихся по списку священников служило пять, а для заполнения штатных вакансий требовалось еще пять. 14 июня комплект богослужебных предметов был выдан в Синоде иеромонаху Адаму (Бурхану), через четыре дня он прибыл в дивизию и получил назначение в 3-й полк. Назначенный ранее в 5-й полк под командованием И. Н. Кононова о. А. Макаренко не понравился там, и его пришлось перевести в 1-й полк, где отсутствовал священник.

20 июня о. Е. Яржемский сообщил Граббе и о других проблемах церковной жизни дивизии: „Когда я был в Белграде, просил о. Виталия и других батюшек послать нам материал для духовного листка. До сих пор листок выходил один раз в месяц, теперь нам хотелось бы выпускать его хоть раз в неделю. Поэтому усерднейше прошу Вас попросить Ваших батюшек принять участие в издании листка. Темы для статей исключительно духовно-просветительные, абсолютно никакой политики. Размер листка согласно приложенному экземпляру.

По вопросу поездки одного из священников в Ладомирово я разговаривал в дивизии, по-видимому препятствий не будет. Думаю просить командировать о. Валентина Руденко. Как мы уже с Вами условились, он заедет в Белград, а оттуда продолжит путь дальше, получивши от Вас нужные указания. Вот я еще не знаю точно, как туда добраться.

Сегодня получил неприятные вести из Загреба. Там в лазарете лежит около 60 больных и раненых казаков. Вблизи Загреба нет ни одного священника нашей дивизии, этим воспользовались униаты, и начали обхаживать наших казаков – приносят им соответствующую литературу, ведут разлагающие беседы. Как возвращусь из 5 полка, немедленно выеду в Загреб для выяснения обстановки. Мне казалось бы, нужно было бы назначить одного священника, который бы регулярно объезжал лазареты и морально поддерживал раненых и больных. И об этом я буду разговаривать с командиром дивизии. Я имею в виду лазаретного разъездного свя-

¹⁴ СА, д. 41/43, д. 50/44.

щенника потому, что наши казаки разбросаны в нескольких лазаретах и совершенно лишены пастырского руководства. В каждом из лазаретов лежит незначительное количество больных, и в каждом из них содержать священника не согласится командование“.

В ответном письме от 11 июля Г. Граббе согласился с необходимостью священника для объезда находящихся на излечении казаков, и обещал разузнать о подходящей кандидатуре из числа русских священнослужителей, эвакуированных из Румынии. Граббе также выразил согласие с поездкой о. В. Руденко в монастырь прп. Иова (с. Ладомирова, Словакия) для доставки оттуда в дивизию церковной литературы, и сообщил о. Евгению, что игумен Аверкий (Таушев) обещал дать материал для духовного листка.¹⁵

7 июля о. Е. Яржемский попросил благословение митр. Анастасия на проведение собрания священнослужителей дивизии „для выработки общей программы работы духовенства в воинских частях и обмена впечатлениями за полгода работы“. Состоявшийся 20-21 июля дивизионный пастырский съезд (на заседаниях которого присутствовал генерал Панновиц) послал митрополиту приветствие, просьбу на благословение работы, а затем протокол заседаний для утверждения. В ответе Владыки от 4 августа помимо утверждения постановлений съезда содержались конкретные указания по улучшению церковной работы: необходимо принять все меры к тому, чтобы все церкви снабжались в достаточном количестве свечами, установив связь с торговыми фирмами в Загребе и Белграде; по убитым, не получившим христианского отпевания необходимо совершать в полковых храмах заочное; для церквей дивизии следует выписать бланки метрических книг в канцелярии Синода.

Все эти указания были выполнены. Постепенно заполнялись и вакантные должности. Из числа эвакуированных бывших священнослужителей Румынской Духовной Миссии в Транснистрии в июле митр. Анастасий назначил в казачью дивизию священников Иоанна Маслова и Пантелеимона Хапланова. 18 июля митр. Серафим (Ляде) на просьбу Владыки Анастасия о помощи в подборе духовенства ответил, что многие эвакуированные из России в Германию священники согласны служить в Русском охранном корпусе и казачьей дивизии, разрешение на их въезд в Сербию будет дано, но надо поручиться за их политическую благонадежность, а между тем биографии почти всех этих священников не известны.

В ответном письме от 8 августа Владыка Анастасий сообщил, что уже разыскал трех кандидатов в Сербии и Румынии и таким образом пока не хватает еще двух, а может и больше. Председатель Синода просил

¹⁵ Там же, д. 41/43, д. 17/41.

подобрать их, уверяя, что поручение давать не придется, он сообщит военным властям, а те сами организуют проезд священников.¹⁶

7 сентября 1944 г. Архиерейский Синод эвакуировался из Белграда в Вену, но руководство духовенством 1-й казачьей дивизии оставил за собой. 2 октября митр. Анастасий известил о переезде о. Е. Яржемского, указав, что не меняет канонического положения священнослужителей дивизии. Синодальная канцелярия же еще 25 сентября известила о. Евгения, что почту можно высылать на имя священника русской Венской церкви о. Сергия Матвеева. В это время был решен вопрос с экипировкой военного духовенства. 13 сентября генерал добровольческих войск ОКХ (Главного командования армии) известил начальника дивизии, что он согласен с предложениями относительно служебной одежды православных священников, ее необходимо купить или шить на месте в частной мастерской.

В начале сентября германское командование приняло решение о развертывании 1-й казачьей дивизии в корпус. С этой целью был создан специальный орган – Резерв казачьих войск, начальником которого назначили генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро. В задачу резерва входил набор добровольцев и мобилизованных в казачьи части. Согласно показаниям А. Шкуро на допросе в советском плену, с сентября 1944 по апрель 1945 гг. он направил в 5-й запасной полк казачьего корпуса около двух тысяч человек.¹⁷

Планируемое создание казачьего корпуса со значительным штатом духовенства вызвало стремление контролировать назначение этих священнослужителей со стороны начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта П. Н. Краснова. Еще 13 октября 1944 г. митр. Анастасий написал ему о важности того, чтобы военные власти не давали священникам никаких назначений без предварительных сношений с Синодом, как это было до сих пор в 1-й казачьей дивизии.

Однако в письме от 23 октября П. Краснов обратил внимание митрополита на существовавшую, по мнению генерала, проблему: „В 1-й казачьей конной дивизии имеется 8 священников, еще не вошедших в казачью епархию и не проверенных. С созданием казачьего корпуса потребуются и еще священники. Является необходимость в назначении им Пастыря-Епископа; в создании особой Донской-Кубанской и Терско-Ставропольской епархии“ (в том числе для Казачьего Стана в Северной Италии).

В ответе от 31 октября Владыка Анастасий опроверг утверждение П. Краснова о непроверенности духовенства дивизии: „Между прочим, Вы упоминаете духовенство 1-ой Казачьей дивизии. Там все священники,

¹⁶ Там же, д. 41/43.

¹⁷ О कोरोков В. А. Казаки и русское освободительное движение. С. 227; „Казаки со свастикой“. С. 72.

кроме двух, были назначены мною и возглавлены назначенным мною же очень хорошим дивизионным священником протоиереем Евгением Яржемским¹⁸. Не возымело воздействие на председателя Синода и другое письмо генерала от 29 ноября 1944 г., в котором содержалось явное недовольство личностью о. Е. Яржемского: „В 1-ю казачью дивизию назначаются священники ничего общего с казаками не имеющие, и были случаи назначения священников польского происхождения“. В конце концов, П. Краснову пришлось смириться с существующим положением.

Осенью 1944 г. митр. Анастасий уже занимался подбором и назначением духовенства для резервных и запасных казачьих частей. 26 октября он известил митр. Серафима (Ляде), что в связи с решением Архиерейского Синода о сохранении казачьего военного духовенства в ведении Первоиерарха РПЦЗ сделаны два назначения священнослужителей на территории Германской епархии: 14 октября священник 5-го казачьего полка о. Иосиф Перетрухин был назначен в казачьи лагеря Виллах и Доллерсгейм, а 24 октября бывший законоучитель Донского Девичьего института в Югославии прот. Василий Бошановский назначен военным священником при штабе атамана Донского казачьего войска генерал-лейтенанта Г. В. Татаркина в Виллахе. Митрополит Серафим также помогал в пополнении духовенства беженцами с Востока. Так 30 октября 1944 г. в 1-ю казачью дивизию был направлен эвакуированный с Волыни и проживавший в Вене прот. Георгий Якимович, а 12 февраля 1945 г. священником учебного запасного казачьего полка назначен бывший священник Минской епархии Гавриил Зубов.¹⁸

В конце 1944 г. военная ситуация на Балканах резко обострилась, и казачьей дивизии пришлось вести тяжелые бои с наступающими болгарскими и югославскими партизанскими частями. 25 декабря 1944 г., в Рождество по новому стилю, казаки впервые вступили в бой с советскими войсками: на реке Драве выдержали сражение с 233-й стрелковой Кременчугско-Знаменской дивизией. Некоторые историки даже называют этот бой „последней битвой гражданской войны“.¹⁹

После того, как казачья дивизия показала свою высокую боеспособность, в феврале 1945 г. она была реорганизована в 15-й казачий кавалерийский корпус (приказом от 12 февраля) и передана из состава вермахта в подчинение войск СС. Генерал Х. Паннвиц, не являясь приверженцем нацизма, смотрел на смену командования лишь как на возможность бесперебойного снабжения оружием и снаряжением. С другой стороны рейхсфюрер СС Г. Гиммлер признал необязательность для казаков эссовских званий и знаков отличия.

¹⁸ СА, д. 38/43.

¹⁹ Келин Н. А. Указ. соч. С. 309-310.

В состав корпуса было включено несколько созданных ранее отдельных казачьих частей, преобразованных вместе с уже существовавшими конными полками в две дивизии; 5-й Донской полк Кононова был развернут в 1-ю пластунскую бригаду, оставшуюся под его командованием. Командирами дивизий назначили немецких офицеров: 1-й – полковника Вагнера, 2-й – полковника Шульца. На 1 апреля 1945 г. корпус включал шесть конных полков (1-й Донской полк, 2-й Сибирский полк, 3-й Кубанский полк, 4-й Кубанский полк, 6-й Урало-Терский полк, 7-й казачий полк), двух пеших пластунских полков (5-й Донской полк, 8-й казачий полк), разведдивизиона, танкового батальона, батальона штурмового оружия, трех артиллерийских дивизионов, двух саперных батальонов, а также различных служб управления, обеспечения, снабжения и связи. Общая численность корпуса на 15 апреля составляла 33142 человек.²⁰

12 февраля прот. Е. Яржемский в рапорте митр. Анастасию известил Владыку, что 1-я казачья дивизия развернута в корпус, сам он остался при штабе и предлагает назначить: дивизионным священником 1-й дивизии - прот. Валентина Руденко (ранее дивизионного миссионера, окормлявшего транспортный отряд и медицинские части), священником 2-й дивизии - прот. Александра Козлова, священником 1-й пластунской бригады - иерея Феодора Медведева (ранее священника 2-го артиллерийского дивизиона). В тот же день Архиерейский Синод назначил о. Е. Яржемского корпусным священником, произвел все предложенные о. Евгением назначения, возвел в сан протодиакона служившего при корпусной церкви диакона Маркиана Пастырова, наградил наперсным крестом священников Феодора Медведева и Феодора Малашко (служившего в 6-м Терском полку), а корпусного священника – золотым наперсным крестом с украшениями.

Одновременно началось пополнение духовенства корпуса. 12 февраля митр. Анастасий направил свящ. Георгия Трунова из Македонии во 2-й Сибирский полк и назначил законоучителем при 3-м эскадроне молодых казаков запасного полка прот. Василия Боцановского, 13 февраля назначил священником 1-го артиллерийского дивизиона иеромонаха Арсения (Серина, ранее служившего в сербской церкви Вены), 24 февраля направил в корпус эвакуированного с Украины прот. Петра Ершова, а 7 марта утвердил в должности священника 8-го казачьего полка прот. Анатолия Червонецкого (эвакуированного из Харьковской области).²¹

²⁰ Окорок В. А. *Казаки и русское освободительное движение*. С. 227-228; Его же. *Антисоветские формирования в годы Второй мировой войны*. С. 64; Черкасов К. *Меж двух огней*. Кн. 2. С. 186-187; Алдан А. Г. *Армия обреченных*. Нью-Йорк, 1969. С. 41; Александров К. *Армия генерала Власова 1944–1945*. М., 2006. С. 339.

²¹ СА, д. 41/43.

Общее число священнослужителей корпуса должно было составить не менее 16 человек. В замечаниях Синода на проект „Положения о русском военном духовенстве“, составленном 30 марта 1945 г. в Карлсбаде игуменом Никоном (Рклицким) говорилось, что в 1-й казачьей дивизии первоначально был только один священник, когда его оказалось недостаточно прибавили еще, и вскоре выяснилась необходимость иметь как минимум одного священника на полк. Поэтому в казачьем корпусе намечаются: при штабах корпуса, дивизий и пластунской бригады – по одному священнику и также по одному священнику в каждом полку и артиллерийских дивизионах.²²

В это время митр. Анастасий считал вакантными в корпусе следующие должности военных священников: 2-го артиллерийского дивизиона, 3-го полка (если не прибыл о. Николай Чистяков), 6-го полка (после предполагаемого увольнения о. Александра Макаренкова) и запасного полка (если отменят назначение о. Василия Бошановского). В качестве кандидатов на их замещение митрополит наметил ряд эвакуированных из Прибалтики и Югославии священнослужителей: протоиереев Тимофея Кулешова, Иоанна Легкого, иереев Сергия Каргая, Анатолия Миловидова, Мирона Прокоповича, Сергия Липского, Василия Салтовца и протодиакона Василия Мельникова. Вскоре все вакантные должности были заняты.²³

Продолжал митр. Анастасий и назначать священнослужителей в различные лагеря для подготовки резервных и запасных казачьих частей. Так 6 апреля 1945 г. с соответствующей просьбой к Владыке обратился атаман Кубанского казачьего войска генерал-майор В. Г. Науменко: „Город Кемптен [Бавария] в настоящее время является центром сосредоточения казачества. Там в настоящее время сосредоточено несколько десятков казачьих семейств, а в ближайшее время ожидается прибытие туда большого числа казаков. Прошу Вашего распоряжения о назначении туда священника для обслуживания духовных потребностей названных православных людей. В Кемптене нет ни помещения для церковных служб, ни одежд, ни церковной утвари. Помещение для жилья священника и для совершения церковных служб мы устроим, что же касается всего остального, то прошу об обеспечении священника таковым“. Просьба генерала была вскоре удовлетворена.²⁴

Весной 1945 г. произошло включение 15-го казачьего кавалерийского корпуса в состав вооруженных сил Комитета освобождения народов России (КОНР) под командованием генерал-лейтенанта А. А. Власова. 24 марта в Вировитице (Хорватия) состоялся Всеказачий съезд под пред-

²² Там же, д. 51/44, д. 48а/44.

²³ Там же, д. 51/44.

²⁴ Там же, д. 50/44.

седательством служившего в 6-м Терском полку корпуса Н. Л. Кулакова, который изложил следующую программу: немедленное подчинение всех казачьих частей главнокомандующему вооруженными силами КОНР А. Власову; удаление из состава частей немецких офицеров, не понимающих устремлений казаков; установление связи с военным министром югославского правительства в изгнании и командиром четников генералом Д. Михайловичем; сосредоточение всех казачьих формирований в районе Зальцбург-Клагенфурт (Австрия) с целью создания ударной армии. Съезд принял основные положения этой программы, избрал походным атаманом командира корпуса генерал-лейтенанта (с 1 апреля 1944 г.) Х. Паннвица, а начальником штаба при нем командира пластунской бригады И. Н. Кононова (с 1 апреля 1945 г. генерал-майора).

20 апреля 1945 г. вхождение казачьих войск в состав вооруженных сил КОНР и избрание Паннвица походным атаманом было утверждено приказом А. Власова. 30 апреля командир 15-го казачьего кавалерийского корпуса написал письмо Власову, заверяя его в своей полной преданности: „Сейчас я поставил себе задачу – собрать все казачьи части в одну мощную боевую единицу, которая будет верным авангардом Армии Освобождения Народов России под Вашим командованием“. За два дня до этого Г. Гиммлер, которому формально подчинялся 15-й корпус, санкционировал решение о его переходе под верховное командование А. Власова. С этого времени корпус числился в составе вооруженных сил КОНР, а генерал Паннвиц – в подчинении власовского штаба.²⁵

8 мая командование корпуса узнало о капитуляции Германии, но приняло решение пробиваться на территорию Австрии; 10 мая части казаков перешли через Драву в районе Лавамюнда, причем замыкающие отряды вели бои с наступающими югославскими партизанами и болгарскими дивизиями. 11-13 мая корпус в составе 28,2 тыс. человек (из них 1142 немца) сдал оружие англичанам около австрийских городков Фолькермаркт и Фельдкирхен, казаков разместили в нескольких лагерях.

27 мая без всякого предварительного оповещения были арестованы все командиры корпуса, их отвезли в Юденбург и передали офицерам НКВД. С 30 мая в течение недели проходила массовая выдача казаков; многие из них, не желая оказаться в советских лагерях, покончили жизнь самоубийством. Значительная часть казаков убежала в горы и таким образом спаслась. Всего только в Юденбурге органам НКВД были переданы 17702 военнослужащих корпуса, и еще несколько тысяч - в других местах. В числе выданных оказались священнослужители (не менее семи

²⁵ Науменко В. Г. *Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах 1945–1947*. Сборник документов и материалов. Нью-Йорк, 1970. Т.2. С. 130, 183-184; Окорочков В. А. *Казаки и русское освободительное движение*. С. 236-241; Хоффман Й. Указ. соч. С. 68-69.

человек), в частности прот. Валентин Руденко, умерший через два года от истощения в советском лагере, и свящ. Феодор Малашко.²⁶

Ряду других священнослужителей 15-го корпуса удалось спастись. Иеромонах Адам (Бурхан), протоиереи Александр Козлов, Феодор Влащенко, священник Георгий Трунов вместе с 70 офицерами и казаками упорно сопротивлялись выдаче, доказывая, что они старые эмигранты из Югославии, и сумели в конце мая переехать в расположение Русского корпуса, чины которого не передавались органам НКВД. Один из этих пастырей – о. Георгий Трунов в 1946 г. создал храмы в лагерях так называемых перемещенных лиц в Клагенфурте, Юденбурге и Граце (скончался он в 1985 г. в Бразилии в сане протопресвитера).²⁷

Последний акт трагедии казаков 15-го корпуса разыгрался в баварском лагере вблизи баварского города Кемптена, где содержалось около 700 казаков запасного полка. Здесь уже в мае была устроена лагерная церковь, под которую приспособили спортивный зал в одном из барачков. Настоятелем этого храма служил протоиерей Владимир Востоков, 30 июня его посетил митрополит Анастасий (Грибановский). Лагерь находился в американской зоне оккупации, и поэтому там было проведено жесткое разделение на старых (белых) эмигрантов и новых, покинувших СССР в годы войны. Репатриации подлежали только последние, которых оказалось 410 человек. Рано утром 12 августа они собрались в лагерной церкви, под которую приспособили спортивный зал; из чувства солидарности сюда пришли и много старых эмигрантов. Изгнание собравшихся из храма и их погрузка в машины проводилась силами военной полиции с применением дубинок и прикладов винтовок. Служившие в лагерной церкви протоиереи Владимир Востоков, Василий Бошановский и Евгений Лызлов пытались спасти свою паству, но безрезультатно. Американцы перешли к стрельбе, причем один священник был ранен в голову.²⁸

Вот как описывает события один из очевидцев: „На повторное требование выйти из церкви и сесть в грузовики никто не отреагировал, и солдаты, оттеснив перепуганных пленных к стене, начали вклиниваться в толпу и выхватывать оттуда людей по отдельности. Особенно мрачный колорит придавало этой сцене то, что она происходила в церкви. Американцы прикладами избивали русских до потери сознания, алтарь был опрокинут, иконы разбиты, облачения священнослужителей порваны. Столпившиеся у дверей церкви офицеры НКВД с удовольствием наблюдали за

²⁶ *Очерки к истории Освободительного Движения народов России*. Нью-Йорк, 1965. С. 125-127; Келин Н.А. Указ. соч. С. 316-317; Stadler H., Kofler M., Bergel K. *Flucht in die Hoffnungslosigkeit. Die Kosaken in Osttirol*. Innsbruck, 2005. S. 18-19.

²⁷ Анлева Е. Памяти протопресвитера Георгия Трунова // *Православная Русь*. 1986. № 14. С. 8.

²⁸ Науменко В.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 11; *Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников*. Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С. 390.

энергичными действиями американцев. В конце концов, всех вывели, а на поле боя остались лишь обломки церковной утвари, пятна крови, порванная одежда... Советских граждан отвезли на железнодорожную станцию и посадили в товарный поезд, который отошел в советскую зону только наутро, а за это время многие сумели бежать. Советской границы достигло всего человек сорок²⁹.

По воспоминаниям о. Владимира Востокова после побоища, устроенного в его храме, американцы насильно увезли 125 человек, в том числе двух священников (более 300 казаков скрылись в окрестностях города). Поскольку из этой группы большинство смогло убежать на станции, органам НКВД передали только 48 человек, в числе которых не было священнослужителей.³⁰

Через несколько дней после погрома в Кемптене председатель Архиерейского Синода заявил протест командующему американскими войсками генералу Эйзенхауэру, в котором так описал выдачу казаков: американцы „нашли всех эмигрантов в церкви, горячо молящихся Богу, дабы Он спас их от депортации... они были силой изгнаны из церкви. Женщин и детей солдаты волокли за волосы и били... Священники всячески старались защитить свою паству, но безуспешно. Одного из них, старого и уважаемого священника, выволокли за бороду. У другого священника изо рта сочилась кровь, после того, как один из солдат, стараясь вырвать из его рук крест, ударил его в лицо. Солдаты, преследуя людей, ворвались в алтарь. Иконостас, который отделяет алтарь от храма, был сломан в двух местах, престол был перевернут, несколько икон были брошены на землю. Несколько человек было ранено, двое пытались отравиться: одна женщина, пытаясь спасти своего ребенка, бросила его в окно, но мужчина, который на улице подхватил этого ребенка, был ранен пулей в живот“. Письмо митрополита Анастасия помогла приостановить депортацию, но вернуть выданных было уже невозможно.³¹

Память о выданных и погибших в лагерях казаках жива до сих пор: на православном Свято-Владимирском кладбище в г. Джексон (штат Нью-Джерси, США) построена и освящена православная часовня в память казаков, выданных в Австрии; в г. Глендоре под Лос-Анжелесом на православном кладбище установлен пятиметровый крест в память казаков и всех участников антисталинского движения в годы II Мировой войны, выданных после окончания войны в ГУЛАГ. В Кельне продолжает существовать „Товарищество 15-го казачьего кавалерийского корпуса“.

²⁹ Келин Н. А. Указ. соч. С. 401.

³⁰ The Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (New York), Bar Vladimir Vostokov, Box 1.

³¹ Назаров М. *Миссия русской эмиграции*. Т. 1. М., 1994. С. 338-339.

Резиме

Црквени живот 15. козачког коњичког корпуса у Југославији 1943–1945. године

Кључне речи: *Руска православна црква (у иностранству), Други светски рат, Козачки корпус, Југославија, свештенство*

У новембру 1943. на подручје Југославије била је из Пољске премештена 1. козачка коњичка дивизија, која је у фебруару 1945. била претворена у 15. козачки коњички корпус. Ово је била једна од најкрупнијих руских антикомунистичких формација за време Другог светског рата. У оперативном смислу корпус је био подређен немачкој команди, а у црквеном Архијерејском синоду Руске православне цркве (у иностранству), који је непосредно бирао његово свештенство. Број свештеника у корпусу у пролеће 1945. године био је не мањи од 16 људи. Црквени живот ове војне формације био је активан: постојале су пуковске и дивизијске цркве, редовно је вршено богослужење, објављивали су и црквени лист итд. Након завршетка рата судбина већине козака овог корпуса је била трагична – њих су изручили органима НКВД и послали су их у совјетске логоре. Свештенство корпуса је углавном избегло репатријацију и касније је служило у саставу Руске православне цркве (у иностранству) у различитим земљама.